Из дневника последних лет жизни

Чарльз Буковски

SHOUT
SHARE
IT

- 8/28/91 11:28 PM
- 8/29/91 10:55 PM
- 9/1/91 1:20 AM
- 9/12/91 11:19 PM
- 9/13/91 5:25 PM
- 9/21/91 9:27 PM
- 9/25/91 12:28 AM
- 9/26/91 12:16 AM
- 9/26/91 11:36 PM
- 9/30/91 11:36 PM
- 10/2/91 11:03 PM
- 10/3/91 11:56 PM
- 10/9/91 12:07 PM
- 10/14/91 12:47 PM

8/28/91 11:28 PM

Капитан пошел завтракать, а матросы захватили корабль.

День на скачках начинается с заключения пари. Здесь становится скучно, даже если выигрываешь. Минуты ожидания между забегами, превращают жизнь в пустоту. Проходящие люди выглядят серыми. И я с ними. Но куда же я еще могу пойти? В Музей Искусств? Или сидеть весь день дома и изображать писателя? Я мог бы носить маленький галстук. Вспоминаю одного мужика, вечно нажратого: с болтающимися пуговицами на рубашке, блевотиной на штанине, с растрепанными волосами, развязанными шнурками — но у него был длинный, безупречно чистый галстук. Это должно было значить, что он поэт. Его произведения? Забудьте…

Вошел, искупался в пруду, направился на пляж. Моя душа в опасности. Всегда была.

Приближалась отличная темная ночь, мы сидели на кушетке с Линдой, когда раздался стук в дверь. Линда открыла.

«Подойди сюда Хэнк».

Я подошел к двери, разутый, в халате. Молодой блондин, молодая полная девица и еще одна, средняя.

— Они хотят твой автограф.

— Я не встречаюсь с людьми, — сказал я им.

— Мы хотим только автограф, — сказал блондин, — и обещаем больше не появляться.

Потом он начал смеяться, схватившись за голову. Девицы молча наблюдали.

— Но у вас же нет ручки или даже куска бумаги.

— О, — сказал блондин, убирая руки с головы, — мы вернемся с книгой! Может, в более подходящее время…

Халат. Босые ноги. Ребята подумали, что я слишком эксцентричен. Возможно.

— Не приходите утром, — сказал я им. И захлопнул дверь.

Теперь я здесь, пишу про них. С такими надо быть покруче, иначе достанут. У меня уже были проблемы с подобными посетителями. Многие думают, что когда-нибудь ты пригласишь их зайти, и будешь пить с ними всю ночь. Я предпочитаю пить в одиночестве. Писатель ничего не должен читателю, кроме напечатанных страниц. И что хуже, большинство приходящих, вовсе не читатели. Так, слышали краем уха. Читатель и лучший человек на земле — тот, кто вознаграждает меня своим

отсутствием.

8/29/91 10:55 PM

Моя чертова жизнь привязана к скачкам. Каждый день. Сегодня здесь не оживленно. Кроме как на скачках, я нигде больше не общаюсь с людьми. Но разве только со служащими. Похоже я болен. Сароян просрал свою жизнь на скачках, Фанте в покер, Достоевский в рулетку. Никогда не задумываешься о деньгах до тех пор, пока они не кончатся. У меня был приятель — игрок, который говорил: «Меня не волнует, выиграю я или проиграю. Главное — игра». Я испытываю бо́льшее уважение к деньгам. У меня всегда их было мало. Я знаю, что такое скамейка в парке, и что такое приход домовладельца. С деньгами неправильны две вещи: либо их слишком много, либо их слишком мало.

Я полагаю, что всегда существуют вещи, которыми мы себя мучаем. На скачках видишь переживания других людей, как они смиряются с неудачей. Скачки — это мир на самом краю. Жизнь между смертью и проигрышем. Никто не выигрывает окончательно. Мы просто оттягиваем приговор. Еще на несколько мгновений. (Дерьмо, кончик моей сигареты обжег палец, пока я предавался этим размышлениям. Я очнулся, выйдя из философского состояния.) Черт побери, нам нужен юмор, нам нужен смех! Я раньше больше смеялся, да и вообще делал больше вещей, исключая писательство. Теперь я пишу, пишу и пишу, с годами все больше, танцуя со смертью. Хорошее представление. По-моему, материал не плох. Однажды они скажут: «Буковски мертв». И тогда меня по-настоящему признают и повесят на вонючем фонарном столбе. Ну и что? Бессмертие — глупое изобретение живущих. Вы видите, что вытворяют скачки? Они рождают эти строчки, блестящие и удачные. Последняя синяя птица поет. Все, что бы я ни сказал, звучит прекрасно. Потому что я играю. Слишком многие осторожничают. Они учатся, они учат и они проигрывают. Условности лишают их огня.

Я отлично себя чувствую, здесь на втором этаже со своим «макинтошем». А по радио звучит Малер, он скользит с такой легкостью, ну вы знаете, иногда нужно обязательно послушать. Я получаю колоссальный заряд энергии. Спасибо, Малер, я слишком много брал у тебя, мне никогда не вернуть.

Я много курю, много пью, но я не могу много писать, строки сами плывут, я прошу еще, они прибывают и смешиваются с Малером. Иногда я специально останавливаюсь. Я говорю: «подожди, ложись спать или посмотри на своих 9–х кошек или посиди с женой на кушетке».

Так что я или на скачках или за «макинтошем». А потом я нажимаю на тормоз и паркуюсь, черт побери. Некоторые люди пишут, что мои книги помогли им выжить. И мне тоже. Книги, розы и 9 кошек.

Здесь есть маленький балкончик, дверь открыта, мне видны огни машин на автостраде, ведущей к Южной Гавани. Никогда не останавливаются. Вереница огней. Все эти люди. О чем они думают? Мы все умрем, вот это цирк. Казалось бы, мы должны возлюбить друг друга, но нет. Мы запуганы обыденными вещами, мы проглочены Ничем. Продолжай, Малер. Ты сделал эту ночь чудесной. Не останавливайся, сукин сын. Не останавливайся.

9/1/91 1:20 AM

Мне нужно постричь ногти на ногах. Ноги болят уже несколько недель. Я знаю, это все из-за ногтей, но у меня пока нет времени обрезать их. Постоянно сражаюсь ради лишней минуты. Конечно, если я не пойду на скачки, у меня появится куча свободного времени. Моя жизнь всегда была борьбой за единственный час, когда я могу делать то, что хочу. Сегодня ночью мне предстоят титанические усилия. Стрижка ногтей. Да, я знаю — люди умирают от рака, люди спят на улицах в картонных коробках, а я тут вожусь со своими ногтями. Несмотря ни на что, я ближе к реальности, чем какой-то слизняк, смотрящий бейсбол 162 раза в год. Я побывал в аду, я и сейчас в своем аду, не чувствую улучшений. Для меня достаточно того факта, что мне 71 год и я жив и думаю о ногтях. Я читал философов. Они действительно странные, смешные дикие ребята, игроки. Декарт пришел и сказал, что остальные несут полную чепуху. Он заявил, что математика — основа любой истины. Механика. Юм сомневался в справедливости научного подхода. А потом появился Кьеркегор: «Я погрузил свой палец в сущее — оно пахнет Ничем. Где я?» И тут пришел Сартр, сказавший, что существование — абсурд. Я люблю этих ребят. Они движут миром. Неужели у них не болит голова от таких мыслей? И разве не выступает лик темноты из их ртов? Если взять подобных людей и поставить напротив прохожих, которых я вижу каждый день на улице, в кафе или на экране ТВ — разница будет так велика, что я не отвечаю за себя.

Скорее всего, я так и не постригу ногти сегодня ночью. Я не сумасшедший, но и нормальным себя назвать не могу. Нет, возможно, я псих. Так или иначе, сегодня когда, солнце достигнет 14 часов, состоится первый заезд на ипподроме «Дель-Мар». Я играю каждый день, в каждый заезд. Я думаю, мне лучше уснуть, мои острые ногти разрывают новые простыни. Спокойной ночи.

9/12/91 11:19 PM

Сегодня никаких лошадей. Я ужасно нормален. Я понимаю, почему Хемингуэй ходил на бои быков — это было как рамка для его картины, напоминало о начале. Иногда мы забываем, оплачивая счет за газ и т. п. Большинство людей не готовы к смерти, своей или чужой. Она шокирует их, пугает. Большой сюрприз. Черт, так не должно быть. Я ношу смерть в левом кармане. Иногда я достаю ее и говорю: «Привет, дорогая, как дела? Когда ты придешь за мной? Я буду готов».

И нечего больше жаловаться на смерть, так же как нечего жаловаться на рост цветка. Самое ужасное — не смерть, а жизнь, которую ведут или не ведут люди до самой смерти. Они не уважают свои жизни, они ссут на них. Они просирают их. Долбаные ублюдки. Они слишком озабочены трахом, фильмами, деньгами, семьей, трахом. Их головы набиты ватой.

Они проглатывают бога без размышлений, они живут без размышлений. Скоро они вообще забудут, как думать, и позволят другим думать за них. Выглядят уродливо, говорят уродливо и уродливо ходят. Сыграй им величайшую музыку столетий, и они ничего не услышат. Смерть большинства людей — обман. Попросту больше нечему умирать.

Знаете, я нуждаюсь в лошадях. Я потерял чувство юмора. Смерть не переносит, когда ты над нею смеешься. Я не смеялся три или четыре недели. Что-то пожирает меня. Я разодрал себя, извертелся, пытаясь выяснить в чем дело. Охотник умен. Он скрывается. Или она.

Этому компьютеру пора назад в магазин. Не буду утомлять вас деталями. Когда-нибудь я буду знать о компьютерах больше, чем они сами. Но сейчас эта машина заебала меня.

Я знаю двух редакторов, сильно побаивающихся компьютеров. Мои буквы ругаются с машиной. Я вообще был удивлен ребячеству и обидчивости букв. Я понимаю, что компьютер не будет писать за меня. Если бы и смог, я бы не позволил. Но эти двое зашли далеко: компьютер не слишком хорош для человеческой души. Я — за удобство, если я смогу писать в два раза больше с тем же качеством. Я предпочту компьютер. Писательство — как полет, когда я сажусь за клавиатуру, я открываю огонь. Писательство — это когда я достаю смерть из своего левого кармана, швыряю ее в стену и ловлю на отскоке.

Эти парни считают, что ты всегда должен быть на кресте и кровоточить, чтобы иметь душу. Этакий сумасшедший,

пускающий слюни на рубашку. У меня было предостаточно распятий, моя речь полна ими. Я и без распятий останусь силен. Даже слишком. Пусть они лезут на крест. Мои поздравления. Но боль ничего не создает, создает автор.

Когда эти двое зайдут в магазин и увидят мою книгу изданной, они подумают, что к Буковски вернулась душа. Так что же мы с ними будем делать? Вернее, что они будут делать без нас?

9/13/91 5:25 PM

Ипподром закрыт. Ставки в Помоне не принимаются, мне здесь нечего делать. Я лучше отправлюсь на ночные скачки в Лос-Аламитос.

Мне вернули компьютер из ремонта, но он больше не исправляет мои ошибки. Я задолбался с ним, пытаясь врубиться. Может, просто позвонить в магазин и спросить парня: "Ну и что дальше?" А он ответит что-то типа: "Вам нужно перенести это на жесткий диск". И я сотру все. А печатная машинка стоит передо мной: "Эй, я все еще здесь".

Есть ночь и есть только эта комната. Я опустошен, я — пустая оболочка. Я могу вызвать ад, заставить слова танцевать, мне надо лишь напиться, но завтра нужно встречать сестру Линды в аэропорту. Она едет к нам в гости. Она сменила имя с Робин на Джарра. Когда женщины стареют, они меняют имена. Я хочу сказать, многие из них. Думаете мужики так делают? Представьте я звоню кому-нибудь:

— Привет Майк, это Тюльпан.

— Кто?

— Тюльпан. Вообще-то Чарльз, но теперь Тюльпан. Я больше не отзываюсь на "Чарльз".

— Пошел на хуй, Тюльпан!

Гудки…

Стареть весьма странно. Главное, продолжаешь говорить себе: "Я старею. Я старею". Ты видишь себя в зеркале, заходя на эскалатор, но ты не смотришь пристально, лишь короткий взгляд. Ты выглядишь не так плохо, ты — пыльная свеча. Чертовы боги, чертова игра. Ты должен быть мертв уже как 35 лет. Небольшое добавление, пару взглядов на кошмарное представление. Чем старше писатель, тем лучше он должен писать, он видел больше, многое выстрадал, он ближе к смерти. Страница еще чиста в 8.00, и уже наполовину исписана к 11. Риск остается. Ты всегда помнишь некоторые вещи, сказанные другими. Джефферс сказал: "Будь зол на солнце". Великолепно. Сартр: "Ад — это другие люди". Прямо в яблочко. Я никогда не нахожусь в одиночестве. Лучше всего — не оставаться окончательно одному.

Самое ценное для меня в радио — классическая музыка. Я слушаю передачи три-четыре часа за ночь, делая что-нибудь или не делая. Это мой наркотик, смывающий суету дня. Классические композиторы. Поэты, рассказчики, романисты не могут дать того же. Банда жуликов. Писателей труднее всего переносить, и в книгах и наяву. И они в реальности хуже, чем в своих

произведениях. Почему "хуже"? Отвратительней. Да, писатели ужасны и отвратительны. И мы любим опускать друг друга. Посмотрите на меня.

Про писательство. Я пишу так же как и пятьдесят лет назад, может быть, чуть лучше, но не сильно. Почему же только в 51 я смог зарабатывать на жизнь своими книгами? Я имею в виду, если я прав, а мои творения не так уж изменились, почему же так долго? Может, я ждал, пока мир признает меня? И если это произошло, то где я теперь? В плохой форме, вот где. Но я не думаю, что удача вскружила мне голову. Разве болван осознает, что он болван? Я не переоцениваю себя. Есть что-то, что я не могу контролировать. Когда я еду по мосту, я думаю о самоубийстве. Я не могу взглянуть на озеро или океан без мыслей о самоубийстве. Я не хочу зацикливаться на нем, но оно манит меня: САМОУБИЙСТВО. Как свет, горящий во тьме. Это выход, позволяющий тебе оставаться. Врубаешься? Иначе — безумие. И это не смешно, приятель. И когда я сочиняю неплохое стихотворение, оно помогает мне жить дальше. Не знаю, как другие люди, но когда я встаю с утра и надеваю ботинки, я думаю: "Боже, что дальше?". Я искорежен жизнью, мы никогда не двигаемся прямо. Я беру понемножку, не все целиком. Это как проглатывать ведра с дерьмом. Я никогда не удивлялся, что сумасшедшие дома и тюрьмы переполнены, что улицы переполнены. Я люблю смотреть на своих кошек, это расслабляет. И я чувствую себя в порядке. Только не помещайте меня в комнату, полную людей. Не делайте этого! Особенно в праздники. Никогда не делайте этого.

Я слышал, они нашли тело моей первой жены. В Индии. И никто не хотел его забирать. Бедная девушка. У нее была искривленная шея, не поворачивалась. В остальном она была красавицей. Он хотела развода, и она его получила. Я не был слишком добр или слишком крут, чтобы спасти ее.

9/21/91 9:27 PM

Вчера ходил на киношную премьеру. Красный ковер. Мерцающие лампы. Позже вечеринка. Ничего интересного. Слишком шумно. Слишком жарко. У стойки я наткнулся на парня с круглыми глазами. Он вообще не моргал. Я не знаю, кем он был. Или не был. Есть такие люди. С ним сидели три великолепные девушки, и он рассказывал мне о том, как они любят сосать. Девушки лишь улыбались и говорили: "О, да". И вся беседа вертелась вокруг этого. Дальше и дальше. Я пытался понять, правду ли мне говорят или просто шутят. Но вскоре утомился. А парень продолжал наседать, рассказывая как девушки любят сосать. Его лицо приближалось к моему, и он болтал без умолку. В конце концов я резко схватил его за воротник и, удерживая, сказал: "Послушай, как это будет выглядеть, если 71–летний парень выбьет из тебя дерьмо перед всеми этими людьми?" Потом я его опустил. Он отвалил вместе со своими курочками. Похоже мне здесь нечего ловить.

Похоже, придется сидеть в маленькой комнате и писать о нескольких вещах. Я видел достаточно человечности на ипподромах, в супермаркетах, кафе, на заправках, автострадах… Здесь нечем помочь. Но я чувствую, что луплю себя по заднице, когда хожу на сборища, даже если выпивка бесплатна. Это не для меня. у меня полно материала для работы. Люди опустошают меня. Мне нужно уединиться, чтобы восстановиться.

Что может быть лучше — я сижу здесь, согнувшись, покуривая и разглядывая слова на мониторе. Так редко можно встретить интересного человека. Это не просто раздражение, это, черт побери, землетрясение. Я становлюсь долбаным занудой. каждый может стать — и становятся. ПОМОГИТЕ!

Нужно хорошенько выспаться. Но прежде всего не читать. После того как прочитал что-то приличное не стоит искать еще. Лучше написать самому.

Я надеюсь проснуться утром. А если нет — чудесно. Больше никаких окон, бритвенных лезвий, ставок и машин, принимающих послания. К телефону чаще всего просят мою жену. Значит, колокола звонят не по мне.

Спать. Спать. Я сплю на животе. Старая привычка. Я жил со слишком многими безумными женщинами. Буду защищать собственность. Жалко, парень не вызвал меня. Я бы надрал ему задницу. Был бы безмерно благодарен. Спокойной ночи.

9/25/91 12:28 AM

Дурацкая жаркая ночь, кошки страдают в своих шкурах, смотрят на меня, но я не могу ничем помочь. Линда ушла по делам. Ей нужно куда-то ходить, с кем-то разговаривать. Все бы хорошо, но она напивается, а домой надо как-то добираться. Я-то плохой собеседник, болтать не люблю. Я не люблю обмениваться идеями — или душами. Я замкнут сам на себе. И хочу, чтобы меня не доставали. Я противостоял родителям, потом школе, я не хотел становиться обывателем. кем я был сначала тем я и стал. И не хочу, чтобы кто-нибудь лез ко мне. До сих пор.

Я думаю, что те, кто ведет дневники, удаляются от жизни. Я делаю это только потому, что все считают, что я должен это делать, то есть не на самом деле. Так проще. Я пускаю все на самотек. Камень с горы.

Я не знаю, что делать со скачками. Они созданы для меня. Я гулял сегодня в Голливудском парке, делая ставки на 13 забегов в Фэрплексе. После седьмого у меня было плюс 72 доллара. И что? Разве это лишит меня седины? Или сделает из меня оперного певца? Чего я добиваюсь? Я затеял сложную игру. 18 процентов. Еще немного. Меня не волнует, существует бог или нет. Не интересно. Так что, черт побери, насчет 18 процентов?

Я оглядываюсь и вижу того же самого парня. Каждый день он стоит в одном месте, разговаривает с тем или иным человеком. Или с двумя. Он в форме, говорит о лошадях. Как грустно. Что я делаю здесь?

Ухожу. Иду на стоянку, сажусь в машину и уезжаю. Только 4 часа. Великолепно. Я еду один. Другие тоже. Как улитки, ползущие по листу.

Возвращаюсь домой. На автоответчике — Линда. Проверяю почту. Счет за газ. И полный конверт стихотворений. Все на раздельных листах бумаги. Женщины: о месячных, о сиськах и о ебле. Абсолютная скукотища. В корзину.

Чувствую себя лучше. Раздеваюсь и залезаю в пруд. Ледяная вода. Прекрасно. Я дохожу до самой глубокой точки, вода захватывает меня шаг за шагом. Потом ныряю. Отдыхаю. Мир не знает, где я сейчас. Я плаваю, залезаю на выступ, сижу. Сейчас, наверное, уже 9 или 10–й забег. Лошади все еще бегут. Я уплываю от своего возраста, избавляюсь от этой назойливой пиявки. Все ОК. Я должен быть мертв уже лет как 40. Я еще поплавал, выбрался.

Это было так давно. Я здесь со своим «макинтошем». И это все что есть сейчас. Пора спать Отдохнуть перед завтрашними

забегами.

9/26/91 12:16 AM

Сегодня занимался новой книгой. Поэзия. Мартин сказал, что получится где-то 350 страниц. Стихотворения не сдаются. Я — старый поезд, который невозможно остановить.

Прочитал за несколько часов. В этом я поднаторел. Строчки свободно бежали, выражая то, о чем я думал. Основное влияние на меня теперь оказываю я сам.

Мы живем, постоянно попадая в различные ловушки. Никто не может избежать западни. Главное понять, попался ты или нет. Если ты в ловушке и не осознаешь этого, тебе конец. Я думаю, все свои проколы я распознал и теперь пишу о них. Конечно, не вся литература должна быть об этом. Есть и другие вещи. Хотя можно сказать, что жизнь — западня. Писательство заманивает. Многие пишут, пытаясь угодить своим читателям. Так все заканчивается. Реальное продуктивное время жизни писателей невелико. Они посвящены и верят в свое назначение. На самом деле судья написанному только один — сам писатель. Когда он идет на поводу у критиков, редакторов, издателей, читателей — ему конец. А когда он идет на поводу у своей славы, ты можешь спустить его вниз по течению.

Каждая новая строка — начало, она не имеет ничего общего с предыдущими. Мы всегда начинаем заново. Литература, конечно, не единственный выбор. Человечество скорее проживет без писателей, чем без водопровода. В некоторых уголках мира их вообще немного. Я-то скорее проживу без водопровода, но я слаб.

Ничто не удержит человека от писательства, только он сам. Если он по-настоящему решил, то будет писателем. Неприятие и насмешки только придадут силы. И чем больше будет препятствий, тем сильнее он станет, словно вода, прорывающая плотину. Когда ты пишешь, то не можешь проиграть, это заставляет твои ногти смеяться во сне, твои шаги становятся тигриными, ты стреляешь, ты стоишь лицом к лицу со смертью. Ты погибнешь в борьбе и с честью вознесешься в ад. Судьба — слово. Вперед. Будь шутом во мраке. Смешно. Смешно. Еще одна строка.

9/26/91 11:36 PM

Название новой книги. Сидел на ипподроме, пытаясь придумать. Но здесь невозможно думать. Ипподром высасывает мозги и дух. Я не сплю ночами. Моя жизненная сила иссякает.

Разговор с незнакомым человеком. "Как дела, Чарлз?". "Все ОК". Я отвалил. А ему нужен товарищ. Нужно поговорить. Лошади. Ты не должен говорить о лошадях. Это последнее, о чем надо говорить. Прошло несколько забегов, я увидел его около тотализатора. Уставился на меня. Бедный парень.

Я вышел наружу, ко мне привязался коп. Хорошо, их называют «службой безопасности». "Они передвигают тотализатор". "Да", — ответил я. Они выкопали конструкцию из земли и перетаскивали ее в западном направлении. Ребята явно были заняты работой. Мне нравится смотреть, как люди работают. Я думаю, секьюрити разговаривал со мной в надежде выяснить, сумасшедший я или нет. Он то, возможно, и нет, зато у меня всегда полно идей. Они наскакивают на меня. Я почесал пузо, представляя себя старым добрым парнем. "Они хотят вернуть озера назад", — сказал я. "Да", — ответил он. Это место должно называться "Ипподром Озер и Цветов". "Неужели", — удивился коп. "Да", — ответил я. Это должно быть соревнование Девушек-Гусынь. Они должны выбрать главную гусыню, посадить ее в лодку — плавать вокруг гусей. утомительная работа. "Да", — сказал коп. Он просто стоял здесь. "ОК, я пойду за кофе. Не бери в голову, что я сказал". "Конечно", — сказал он, — "Удачи!". "И тебе, мужик", — я пошел прочь.

Название. Мой разум был чист. Замерз. Где же мой жилет. Я спустился с 4 этажа на эскалаторе. Кто изобрел эскалатор? Движущиеся ступени. Поговорим о сумасшествии. Люди входят и заходят на эскалаторы, элеваторы, в различные машины, открывают двери гаража, нажимая на кнопку. Потом они оказываются в оздоровительных секциях, сгоняя лишний вес. К 4000 году у нас не будет ног, мы будем просто ерзать на задницах, произрастать подобно сорнякам. Каждый вид уничтожает себя. Динозавров убило то, что они жрали все подряд, в итоге им пришлось поедать друг друга, остался только один, и этот сукин сын умер с голода.

Я залез в машину, нашел жилет, надел, поднялся на эскалаторе. Я почувствовал себя плейбоем, ушедшим по делам, а теперь возвращающимся. Как будто бы я разузнал какие-то секреты.

Хорошо. Я сыграл. Немного повезло. К 13 забегу потемнело,

начался дождь. Я сделал ставку и смылся. Пришлось ехать осторожно. Дождь низвергнул ад на водителей Лос-Анжелеса. Я попал на шоссе перед сотнями красных огоньков. Я не включал радио. Я хотел тишины. В голове вспыхнуло название: "Библия для Разочарованных". Нет, не хорошо. Я вспомнил несколько лучших названий. Я имею в виду других авторов. "Поклон Дереву и Камню". Крутое название, автор — плох. "Записки из Подполья". Крутое название, крутой автор. Также "Сердце — Одинокий Охотник". Карсон Маккаллерс. Очень недооцениваемый автор. Из дюжины моих названий мне больше всего нравится "Исповедь человека, безумного настолько, чтобы жить со зверьем". Но я израсходовал его на маленькую брошюрку. Слишком плохо.

Потом я попал в пробку и просто сидел. Голова моя опустела. Словно проспал неделю. Я был рад, что выбросил пустые банки. Я устал. Теперь мне не приходится этого делать. Банки. Однажды я пил и спал на груде пустых банок. Нью-Йорк. Меня разбудила огромная крыса, сидевшая на моем животе. Мы вместе подпрыгнули. Я хотел стать писателем. Теперь я им стал и не могу придумать название. Я просто клоун.

Пробка рассосалась, и я снова в пути. Никто никого не знал, это было великолепно. Неожиданно огромный разряд распорол шоссе, и первый раз за день я почувствовал себя неплохо.

9/30/91 11:36 PM

Итак, после нескольких дней пустоты в голове я проснулся этим утром с готовым названием, приснившемся мне: "Стихи последней ночи на земле". Полностью отражает: поэмы завершения, боли и смерти. Ну и несколько других. Даже немного юмора. Название будет помогать этой книге в это время. Придумав название, ты придумываешь и порядок, стихотворения сами выстраиваются. И мне нравится мое название. Если я увижу такую книгу, я куплю ее и попытаюсь прочитать несколько страниц. Некоторые названия придуманы специально, чтобы привлечь внимание. Но это не работает, потому что ложь не работает.

Ладно. С названием покончено. Что дальше? Снова роман и стихотворения. Что же случилось с рассказами? Они ушли от меня. Есть причина, но я не знаю какая. Если бы я работал над ними, может, быть я нашел бы причину, но такая работа ни к чему бы не привела. В том смысле, что время можно потратить на роман или стихотворения. Или на стрижку ногтей.

Кто-то должен, наконец, изобрести приличный аппарат для стрижки ногтей на ногах. Уверен, это возможно. Тот, который имеется, слишком неуклюж. Я читал, что один бродяга пытался захватить винный магазин с помощью ногтестрижки. Не сработало. Как Достоевский стриг ногти? Ван Гог? Бетховен? А, может, не стригли? Скорее всего. Обычно мной занимается Линда. Теперь-то она все делает отлично, но раньше доставалось моей бедной коже. С меня хватит боли. Любой.

Я знаю, что я скоро умру, и это кажется мне странным. Я эгоистичен, моя чертова задница хочет извергать все больше слов. Сочинительство подогревает меня, проносит сквозь золотой свет. Но действительно, сколько я еще продержусь? Продолжать нечестно. Смерть — топливо в баке. Она нужна нам. Она нужна мне. Мы взрываемся, если остаемся слишком долго на одном месте.

Странная вещь, после смерти человека взглянуть на его обувь. Печально. Как будто вся жизнь сосредоточена в этих ботинках. Не в одежде. Одежда — это когда только что умер. Кладешь шляпу, перчатки и ботинки на кровать, смотришь и сходишь с ума. Не надо. В конце концов, они теперь знают то, что не знаешь ты. Наверное.

Сегодня последний день на скачках. Околачивался у тотализатора в Голливудском парке. На все 13 забегов. Удачный день. Вышел бодрый, полностью обновленный. Даже скука не

приблизилась ко мне. Да, я был крутым. Замечательно. Замечаешь вещи. Как колеса машины, когда сдаешь назад. Панель управления. Ты — в чертовом космическом корабле. Ты в движении, аккуратно следишь за дистанцией и скоростью. Какой бред! Но только не сегодня. Ты поднялся. Как странно. Но ты не удивлен. Это еще повторится.

Завтра выходной. Кругом — встречи, тысячи бегущих лошадей. Так же величественны как заливы, словно они и есть.

На автостраде, ведущей к Южной Гавани мне на хвост сели копы. Вовремя. Я сбросил до 60. Он тоже. Я удерживал. Не давал пойти на обгон. Он выжал 75. Копы не любят аккуратных. Прошло пять минут. Он взревел на полных 90. До свидания. Ненавижу вытаскивать билет как все. Надо почаще пользоваться зеркалами заднего вида, это просто. Правда, в конце концов, ты все равно попадешь на заметку. А попав, надейся, что ты не пьян и у тебя нет наркотиков.

И вот я здесь, в этом изумительном месте со своим «макинтошем». Ужасная музыка по радио, но день не может быть на 100 процентов хорош. Если на 51 — считай, что ты выиграл. Сегодня — 97.

Мейлер написал толстую книжку про ЦРУ и тому подобное. Норман — профессиональный писатель. Однажды он спросил мою жену: "Хэнку не нравятся мои книги, да?". Норман, лишь нескольким писателям нравится читать других писателей. И то, только тогда, когда те уже давно мертвы. Писатели любят лишь свое дерьмо. И я таков. Я не могу даже с ними разговаривать, смотреть на них, или, что еще хуже, слушать их. Но самое ужасное — пить с ними, они озабочены собой, выглядят такими жалкими, словно желают укрыться под материнским крылом.

Лучше я буду думать о смерти, чем о писателях. Намного приятнее. Я собираюсь выключить чертово радио. Композиторы тоже иногда перебарщивают. Если уж надо с кем-то поговорить, я предпочту компьютерщика или гробовщика. С выпивкой или без. Лучше с.

10/2/91 11:03 PM

Смерть приходит к тем, кто ждет ее и к тем, кто не ждет. Как много переживаний сегодня, бессмысленный день. Вышел с почты, машина забарахлила. Я — приличный гражданин. Хожу в автоклуб. Итак, мне нужен телефон. Сорок лет назад телефоны были везде. Телефоны и часы. Мог оглянуться и увидеть, сколько время. Больше нет. Больше нет свободного времени. И общественные телефоны исчезают.

Ведомый интуицией, я зашел на почту, спустился вниз: в темном углу, одинокий и незаметный стоял телефон. Старый добрый грязный телефон. В районе двух миль такого больше не было. Я знаю, как обращаться с телефоном. Возможно. Информация. Раздался голос оператора, и я почувствовал, что спасен. Спокойный уставший голос поинтересовался какой город мне нужен. Я назвал город и автоклуб. (Ты должен знать, как совершать множество мелких дел, повторять их снова и снова, или ты — мертвец. Смерть бродит по улицам. Нежданная). Женщина дала мне номер, но он оказался неправильным. Какой-то офис. Потом я дозвонился до гаража. Ответил крутой парень, мачо, очень воинственно настроенный. Замечательно. Я все ему рассказал. "Подождите 30 минут".

Я вернулся в машину. Вскрыл письмо. Стихотворение. Боже! Про меня. И про него. Мы встречались, наверное, два раза лет 15 назад. Он даже напечатал меня в своем журнале. Он сказал, я был великим поэтом, но я пил. И жил ужасно, в нищете. Безработный. Теперь молодые поэты пьют, бродяжничают и не работают, считая, что это круто и приближает их к великим. К тому же, я атаковал многих в своих стихотворениях, в том числе и его. Я думал, что он весьма нелестно писал обо мне. Неправда. Он был, на самом деле, приятным человеком, говорил, что опубликовал в своем журнале множество других авторов за прошедшие 15 лет. А я был неприятным человеком. Великим писателем и большим говнюком. Он так и не смог добраться до меня. И он писал "ты", как "твой". Проблемы с правописанием.

В машине стало невыносимо жарко. 100 градусов по Фаренгейту. Самый жаркий октябрь с 1906 года.

Я не собирался отвечать на письмо. Он напишет еще. Другое письмо — от агента, с прилагающимся произведением. Я взглянул. Говно. Если у вас есть какие-то предложения, а может идеи по публикации, мы будем очень благодарно.

Другое письмо — от женщины, благодарной мне за то, что я послал ее мужу несколько строк и какой-то рисунок, о котором

они просили. Он был очень счастлив. Теперь же они в разводе, и может ли она приехать и взять у меня интервью?

Дважды в неделю меня просят об интервью. Но мне не о чем так часто говорить. Можно много о чем написать, но не рассказать.

Я помню когда-то, уже давно, немецкий журналист брал у меня интервью. Я вливал в него вино и говорил 4 часа. Основательно накачавшись, он признался, что он — не журналист, просто хотел меня увидеть.

Я отбросил письмо в сторону и уселся ждать. Подъехал тягач. Молодой паренек улыбнулся мне. Великолепно. "Эй, сюда", — крикнул я.

Я вылез, рассказал ему о своих проблемах.

— Оттащи меня в гараж «Акуры».

— Твоя гарантия в порядке?

Он хорошо знал, что нет. Это был не 1989, а уже 1991.

— Не имеет значения. Оттащи меня к дилеру «Акуры».

— Чтобы починить, потребуется, наверное, неделя.

— Разве. По-моему, они очень расторопны.

— Послушайте, — сказал парень, — у нас есть свой гараж. Мы доберемся до него, и, наверное, уже сегодня починим. Если нет, то как только сделаем, мы вам позвоним.

Я представил, как моя машина стоит у них в гараже целую неделю. А потом мне скажут, что нужен новый распределительный вал. Или головка цилиндра.

— Оттащи меня в гараж «Акуры».

— Подожди. Мне надо сначала позвонить боссу.

Я подождал. Он вернулся.

— Поехали.

— Что?

— Поехали.

Он встал впереди моей машины. Примотал веревки. Я подписал бумагу, и мы стартовали. В гараже меня узнали.

— Ты бываешь у нас каждый год, — сказал менеджер.

— Хорошо, — сказал я и улыбнулся, так что не обижайте меня.

Он просто взглянул на меня.

— Дайте нам 45 минут.

— Хорошо.

— Тебе нужно ехать?

— Да.

Он позвал парня.

— Отвезет тебя.

Мы сели в машину. Я говорил, куда ехать. Мы заехали на

гору.

— Ты все еще делаешь фильмы? — он спросил.

Видите, я — знаменитость.

— Нет. Ебаный Голливуд.

Он этого не понял.

— Остановись здесь, — сказал я.

— О, какой большой дом.

— Я просто здесь работаю.

Это была правда.

Я вылез, дал ему два доллара. Он отказывался, но взял.

Я зашел. Кошки небрежно развалились, отдыхая. В своей следующей жизни буду котом. Спать 20 часов в день, ждать кормежки. Валяться, вылизывая свою задницу.

Люди слишком несчастны, злы и узколобы.

Я вернулся к компьютеру. Мой новый утешитель. Моя работа стала в два раза мощнее и качественно и количественно. Я врубился. Волшебно. Я сидел перед компьютером, как большинство людей сидят перед своими телевизорами.

— Это всего лишь улучшенная печатная машинка, — сказал мне зять.

Но он не писатель. И не знает, что это такое, когда слова вгрызаются в пространство, мерцают, горят, когда слова, приходящие в голову порождают другие слова, а те, в свою очередь, вызывают другие мысли, порождающие следующие слова. С печатной машинкой это как барахтание в грязи. С компьютером — катание на коньках. Сильный порыв. Конечно, если в тебе ничего нет, тогда не имеет значения. А потом идет работа, исправление ошибок. Черт, мне приходилось все писать дважды. Первый раз, чтобы зафиксировать, а второй — чтобы исправить ошибки и неточности. Это бег ради веселья, славы и спасения.

Я думаю, что последует за компьютером? Будешь просто прикладывать пальцы к своим святыням, а в ответ получать безупречную писанину. Конечно, перед тем как начать, тебе надо будет что-то получить, но все время будут счастливчики, делающие это за тебя. Будем надеяться.

Зазвонил телефон.

— Это батареи. Вам не нужна новая батарея?

— Надеюсь, мне не придется платить?

— Тогда мы придержим запасную.

— Цены скоро понизятся.

Я пошел на холм и услышал старшего соседа. Он звал меня. Я забрался на ступеньки. Он был в кальсонах и старой серой хлопчатобумажной рубашке. Я пожал ему руку.

— Кто ты? — спросил он.

— Я твой сосед. Уже 10 лет.

— Мне 96.

— Я знаю, Чарли.

— Бог не забирает меня. Боится, что я займусь его работой.

— Ты можешь.

— Могу заняться и работой Дьявола.

— Можешь.

— А тебе-то сколько?

— 71.

— 71?

— Да.

— Тоже много.

— Я знаю, Чарли.

— Мы пожали друг другу руки, я спустился по ступенькам, потом по склону мимо утомленных домов, заводов.

Я держал путь на бензоколонку. Надрал задницу еще одному дню.

10/3/91 11:56 PM

Сегодня второй день, когда работает тотализатор. Настоящие лошади бежали в Дубовой Роще. Пришло только 7000 человек. Многие не хотели совершать такое длительное путешествие в Аркадию. Для живущих в южной части города, нужно выехать на Портовую Автостраду, потом на автостраду Пасадены, а после этого еще плутать по улочкам, чтобы попасть на ипподром. Это долгая жаркая гонка, никогда не кончается. Обычно я возвращаюсь полностью истощенный. Один знакомый тренер позвонил мне. "Никто не пришел. Пора менять профессию. Поставлю себе текстовый редактор и стану писателем. Напишу про тебя".

Его голос записался на автоответчик. Я поздравил его с вторым местом из шести. Но он впал в депрессию.

"Конец бедному тренеру. Все кончено". Посмотрим, чего они напишут завтра. Пятница. Добавят тысячу, наверное. Это всего лишь внутренние соревнования. вещи намого хуже, чем пытаются представить правительство или пресса. Те, кто выжил, предпочитают помалкивать. Я думаю, самую большую прибыль можно получить от продажи наркотиков. Если бы их не было, большинство молодежи осталось бы без работы. Я до сих пор писатель, но все может измениться в любое время. Я получаю пенсию 943 доллара в месяц начиная с 70 лет. Но это тоже не вечно. Представьте, все старики блуждают по улицам без своих пенсий. Не забывайте о них. Национальный долг может поглотить нас как гигантский осьминог. Люди будут жить на кладбищах. В то же время на вершине гнилья расположилась кучка богатеев. Как изумительно! Посмотрите на Голливуд! Запускают фильмы ценой в 60 миллионов долларов, такие же глупые, как бедные дурачки, которые их смотрят. Да, богатые всегда найдут способ выкачать деньги.

Я помню, когда во время скачек начиналась давка; плечом к плечу, задница к заднице, потеющие, кричащие в переполненных барах. Хорошее было время. Отличный день — ты пьян и смеешься. Мы думали, что эти ночи и дни никогда не закончатся. А что? Игры в кости в парках. Первые сражения. Хвастовство и слава. Электричество. Черт, жизнь была хороша, жизнь была забавна. Мы были крутыми парнями, не терпели никакого дерьма. Если честно, все было отлично. Бухло и танцы. Множество баров. Полных баров. Никаких телевизоров. Ты говорил и влипал. Если же тебя ловили бухого на улицах, то просто давали проспаться до утра. Ты терял работы и находил новые. Зачем держаться за

место. Вот времена. Что за жизнь! Сумасшествие сменялось еще большим сумасшествием.

Теперь все сметено. Семь тысяч людей на главном забеге в воскресный полдень! И никого в баре. Одинокий бармен с полотенцем. Где же люди? Не так то уж их и мало, но где они? Стоят на углу, сидят в комнатах. Буша, наверное, переизберут, он выиграл легкую войну. Но он ничего не принес экономике. Ты не можешь быть уверен в том, что твой банк будет открыт завтра утром. Я не собираюсь петь блюз. По крайне мере, в 30–х каждый знал, где он находится. Сейчас мир — игра зеркал. И никто не знает, как все держится. И кто к чему идет. Если идет.

Черт, мне надо от этого избавиться. Никто больше не думает о конъюнктуре. А если и думает, то там, где его никто не увидит.

А я сижу, пишу стихи, роман, в конце концов я больше ничего не могу делать.

Я был беден последние 60 лет. Теперь я ни беден, ни богат. На ипподроме они собираются убрать льготные трибуны, собираются уволить людей со стоянок и офисов. Спрос на скачки упадет. Меньше поля. Меньше жокеев. Намного меньше. Капитализм выжил коммунизм. Теперь поедает себя. Приближается 2000–й год. Я умру и уберусь отсюда. Оставлю небольшую кучку книг. Семь тысяч людей на ипподроме. Просто не верится. Сьерра-Мадре плачет в тумане. Когда лошади перестанут бежать, небо упадет, плоское, тяжелое, массивное, сметающее. Гласвар выиграл девятый забег. Заплатил девятку. Выиграл червонец.

10/9/91 12:07 PM

Компьютерный класс — мозгоебство. Дюйм за дюймом пытаешься достигнуть цельности. Проблема в том, что книги говорят одно, а люди — другое. Терминология становится темным лесом. Компьютер только считает, он не знает. Ты можешь запутать его, а он запутает тебя. Ты сам с ним должен разобраться. Он, правда, может чудить, выкидывать странные штучки. Подхватывать вирусы, зависать, сгорать. Сегодня ночью я решил, что чем меньше говорить о компьютере, тем лучше.

Интересно, что случилось с этим сумасшедшим французским репортером, который брал у меня интервью в Париже много лет назад. Он пил виски так, как многие пьют пиво. И когда бутылки пустели, он становился все интереснее. Наверно, умер. Я пил 15 часов в день, в основном вино и пиво. Я должен был умереть. И я умру. Довольно-таки неплохо. Я жил рискованно и мутно, большей частью ужасно, занимаясь монотонной работой. Но именно так я смог выбраться из дерьма. Оглядываясь, я вспоминаю, что был довольно-таки крут, невзирая на то, что происходило. Я помню, как агенты ФБР зассали, оставшись со мной в машине. "Эй, этот парень действительно крут", — воскликнул один из них. Я не спросил, за что меня забрали и куда мы направляемся. Мне было все равно. Реальность нашей бессмысленной жизни. "Подождите", — сказал я, — "Я боюсь". Они почувствовали себя лучше. По мне — так они пришельцы из космоса. Мы никак не были связаны. Это казалось странным. Я ничего не чувствовал. На самом деле, для меня это нормально, это ненормально в обычном понимании. Я просто видел руки, ноги, головы. У них даже был свой разум, вещь в себе. Мне все равно. Я не искал справедливости или логики. Никогда. Может быть, поэтому я никогда не писал литературу социального протеста. По мне, конструкция остается бессмысленной, чтобы они с ней не делали, ты не сделаешь ничего хорошего из того, чего нет. Ребята хотели, чтобы я испугался. Я почувствовал отвращение.

Я собираюсь в компьютерный класс. Хочу улучшить свои навыке в игре слов, моей единственной игре. Сегодня ночью здесь будет муза. Классическая музыка, играющая по радио не слишком хороша. Выключу, пойду посижу чуток с женой и кошками. Никогда не дави, не насилуй слова. Здесь нет борьбы и лишь немного соперничества. Очень немного.

10/14/91 12:47 PM

На ипподроме можно встретить интересных типов. Один парень толчется здесь каждый день. Но ему никогда не выиграть. Во время забегов он кричит, чтобы запугать конкурентов: "КУСОК ДЕРЬМА". А в конце удивляется: "Эта лошадь никогда не должна была выиграть". Обычно лошадь котировалась как 5:2, 3:1, 7:2. Такая лошадь должна что-нибудь показать, иначе неравенство станет слишком большим. Но для этого человека все вышесказанное не имело значения. Он бежал к фотофинишу. Он доставал всех. "Боже, ебать тебя, ты не помог мне".

Я не знаю, почему его не выгнали.

Однажды я спросил другого парня (я видел их вместе):

— Как он живет?

— Занимает деньги.

— Но ведь он бежит от кредиторов.

— Он находит новых. Ты знаешь его любимое выражение?

— Во сколько открывается банк?

Я думаю, что он приходит на скачки просто так. Это важно для него, даже в случае проигрыша. Мест, где можно быть. Мечта сумасшедшего. Что за скукотища. Весьма непрочно. Каждый считает себя правым. Ебаные эгоисты. Впрочем, как и я. Это мое хобби. Я думаю. Я надеюсь. Но что-то в этом есть, вспышка, мгновение, моя лошадь бежит и выигрывает. Я вижу. Какой кайф! Жизнь начинает обретать смысл, когда твоя лошадь побеждает. Но такие мгновения редки. Стоящие здесь люди — неудачники. Они высыхают как пыль. С другой стороны, когда я сижу дома, я чувствую себя вялым, больным и ненужным. Странно. Ночью-то еще ничего, я печатаю. Но дни просто достали. Да, я слабак, боюсь реальности. Но кто же не боится?

Вспоминаю, как сидел в баре в Филадельфии с 5 до 2. Кажется, это единственное место, где я тогда бывал. Часто я даже не помнил, как ходил домой и возвращался обратно. Все время сидел за стойкой. Ускользал от реальности. Пошла она к черту.

Отлично. Ты говоришь мне что-то интересное? Адвокат, доктор, конгрессмен? Дерьмо. Они говорят, что нет, но это дерьмо. Они заперты в системе и не могут выбраться. И каждый в своем деле не так уж хорош. Но это неважно. Они — в защитном коконе.

Однажды здесь станет в какой-то мере весело. Я снова говорю о скачках.

Сумасшедший Крикун как обычно был здесь. Но тут был еще один парень, с очень странными глазами. Злые. Он стоял около

Крикуна и слушал предсказания на следующий заезд. Крикун в этом был силен. И очевидно Злые Глаза пользовался этими предсказаниями.

День заканчивался. Я шел из туалета и прислушался. Злые Глаза кричал на Крикуна: "Заткнись, ублюдок, я убью тебя". Крикун повернулся спиной и пошел, приговаривая уставим голосом: "Пожалуйста, пожалуйста". Злые Глаза пошел за ним: "Сукин сын, я убью тебя.".

Пришли охранники, схватили его и увели. Несомненно, смерть на скачках не планировалась.

Бедный Крикун. Постоянный атрибут дня. Он сыграл сполна. Игра может сожрать вас заживо.

У меня была подружка, которая говорила: "Ты в плохой форме. Тебе надо одновременно обратиться в общество анонимных алкоголиков и в общество анонимных игроков". Но на самом деле эти вещи ее не сильно волновали, пока дело не казалось постели. Тогда она возненавидела их.

У меня был друг — законченный игрок. Он говорил: "Меня не волнует, выиграю я или проиграю, я просто хочу играть".

Я не из тех. Я был в Голодном Ряду слишком много раз. Без денег, но с привкусом романтики, свойственным молодости.

Как бы то ни было, Крикун на следующий день был снова здесь. И опять за свое: предсказывал результаты каждого заезда. Подумай об этом. Непростая вещь. Я о том, что если даже ты ничего не знаешь, ты можешь просто назвать любую цифру, например 3. Ты можешь ставить на двойку два или три дня, рано или поздно выиграешь. Но только не этот парень. Нечто удивительное. Он знает все о лошадях, дробных числах, различных треках, темпах, категориях и т. п., но он лишь пополняет компанию неудачников. Подумай об этом. Потом забудь. Иначе сойдешь с ума. Я выиграл 275 баксов сегодня. Я начал играть поздно, лет в 35. Прошло уже 36 лет и они должны мне 5000. Смогу ли я прожит еще лет 8, 9. Есть за что побороться. Не правда ли? Ха.